

Санкт-Петербургский государственный университет

Санкт-Петербург, 17 января 2022 года

Отзыв члена диссертационного совета, доктора юридических наук Монастырского Юрия Эдуардовича на диссертацию Еремина Виктора Валерьевича на тему: «Арбитрабельность споров с участием публичных субъектов», представленную на соискание ученой степени кандидата юридических наук по специальности

5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки

Диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук Еремина Виктора Валерьевича являет собой научный труд об одной из проблем взаимодействия третейских судов и судебной системы ввиду государственного интереса, проявляющегося в субъективном составе участников споров.

Арбитраж – важный институт гражданского общества, инструмент стимулирования экономики, в первую очередь частных инвестиций – подлежит тонкой юридической настройке и не может работать в условиях неопределенности и чрезмерного усмотрения при осуществлении судебного надзора. Диссертант и его научный руководитель, доктор юридических наук, профессор Олег Юрьевич Скворцов, определили тему, где пока юрисдикционный контроль нормативно ничем не стесняется и нуждается в сдерживающих механизмах. Это приводит к тому, что в довольно большом секторе имущественного оборота, а именно с участием субъектов, находящихся под разного рода государственным влиянием, деятельность арбитража становится неэффективной и малопродуктивной, а такие его преимущества, как скрупулезность и конфиденциальность задействуются не в полной мере.

К достоинствам работы относятся выбор задачи и рассуждения чрезвычайно востребованные российским юридическим сообществом в данное время, когда реформа арбитража, одной из целей которой было образование обновленной системы третейских судов, не привела к ожидаемому увеличению рассматриваемых дел. Мы не хотим сказать, что причиной этого является чья-то злонамеренность, а имеет место инерция недоверия к частному «правосудию», постепенно преодолеваемая через правильно построенный доктринальный дискурс. Автор продолжает его на актуальном и содержательном уровне, и применительно к той области, где ранее арбитражи не допускались – спор с государственным участием или, как соискатель сформулировал, с «публичными субъектами». Это способствует движению и развитию позитивного взаимодействия арбитража и судов, ведущего к расширению компетенции третейских трибуналов, которые дополняют государственное правосудие способностью компетентно и тщательно разбирать сложные споры и при этом развивают материальное право, преодолевая временно образовавшиеся смысловые тупики, предлагая их разрешение на живом примере дел, к чему иерархично построенные государственные суды по общему правилу не призваны, они

зависят от разъяснений высшей судебной инстанции, в ожидании чего иногда проходят годы.

Работа состоит из введения, двух глав, восьми параграфов и заключения. Список использованных источников достигает цифры 600. Автор приводит 340 монографий и статей на русском языке и 81 на иностранных языках. Это является правильным, так как хотя тема диссертации относится к российской специфике арбитражного дела, базовые правовые категории и институты арбитрабельности и публичного порядка происходят из актов международной унификации – Конвенции ООН о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений (Нью-Йорк, 10 июня 1958 года), Модельного закона ЮНСИТРАЛ (1985 года). Эти документы ставят задачу единообразного их применения либо соблюдения единых стандартов арбитража, а это создает нормативную доктринальную опору для суждений, и преобладающее мнение иностранных коллег является важным.

Актуальность труда вытекает из несложившегося пока понимания пределов компетенции третейских судов в Российской Федерации, которое ограничивается или умалется получившим распространение и широко трактуемым судами понятием «публичный интерес», находящим выражение не только в особенностях правоотношений экономических участников, но и в государственной подчиненности субъектов спора несмотря на то, что они выразили согласие на арбитраж или иную процедуру альтернативного разрешения дела.

Новизна работы заключается в том, что фактор государственного интереса, его правомерность и конституционное предназначение в нашей теории еще подробно не исследовались на уровне диссертации. Научная разработанность проблемы после реформы арбитража 2015 года не может быть достаточной.

Теоретические результаты диссертации наблюдаются уже в том, что в ней подвергается критической оценке инструмент, при помощи которого суды в Российской Федерации непредсказуемо вторгаются в деятельность арбитража и ограничивают отведенное ему поле функционирования. В частности, полезность работы заключается в том, что проарбитражные доводы, которые в ней приводятся, могут использоваться в процессе осуществления государственного контроля или исполнения решений третейских судов в связи с такими вопросами, как компетенция, публичный порядок и т. д.

Разрабатывая, казалось бы, не всеобъемлющую тему о компетенции арбитража, очерченную субъективным составом спора, автор интересно высказывается о таких базовых правовых институтах, как арбитрабельность, публичный порядок, которые если в основной своей сути четко не определены в законе и единообразно не понимаются в судебной системе, то это вносит фатальную неопределенность и снижает роль третейских судов, обращение к которым связано с риском отмены решений или невыдачей исполнительного листа, при этом временные, финансовые, интеллектуальные затраты тогда будут напрасны и некомпенсируемы.

В соответствии с изначальными представлениями, в силу норм базового закона об арбитраже 2015 года, соотносимых с поправками АПК и ГПК, участники экономических связей могут иметь представление о том, какой спор, когда он возник, и проявляется его существо, может быть подчинен арбитражу, а какой нет, при этом более точно можно сказать о том, что экономические субъекты должны получать ответ на вопрос, какое выбранное требование арбитрабельно, а какое нет.

Особое внимание соискатель уделяет такому во многом трудно определимому в смысле его пределов термину как «публичный элемент», для укрощения которого и придания менее разрушительного для арбитражной практики значения нужно поместить в определенные законодательные или доктринальные рамки. Автор показывает, что, если это не сделать, судьба арбитража в России будет трудной и непредсказуемой. Блуждающий без всяких руководящих начал государственный интерес в виде публичного интереса будет разрушать или дисквалифицировать любое третейское решение, которое обязывает участника экономической деятельности с государственным участием.

Мало кто ранее в нашей доктрине вплоть до складывания близких подходов по этому вопросу анализировал так много литературы и источников, которые приводятся в работе для проведения глубокого сравнительного анализа. На наш взгляд, через международно-правовую унификацию, прошедшую 63 года назад, публичный порядок и способность быть предметом арбитражного разбирательства, арбитрабельность, вошли в российское законодательство и стали разными понятиями. Именно такой подход позволяет увидеть пределы института публичного порядка, который по своей идеологии антиарбитражный, когда допускается рассуждение о его включении в более ограниченное понятие, такое как арбитрабельность.

При этом соискатель не в полной мере использовал так называемые трактовки публичного порядка, которые проистекают из международно-правовой унификации. Согласно резолюции ООН от 04.12.2006 Нью-Йоркская конвенция и модельный закон ЮНИСТРАЛ должны применяться единообразно, и, хотя категория публичного порядка в материально-правовом смысле определяется правовой системой места исполнения третейского решения, в Конвенции сказано о том, что публичный порядок базируется на негативной формуле и относится к последствиям реализации третейских решений и ее результатам (п.п. b) п. 2 ст. V).

Конвенция заложила различие арбитрабельности и публичного порядка. Первая устанавливается нормативно и, за изъятиями, установленными законом, определяется четкими критериями гражданско-правового спора и отношений. Таким образом аргументация о публичном порядке должна базироваться на установлении аномальных правовых последствий, подрывающих правопорядок, а не на том понимании, является ли решение неординарным или противоречащим судебной практике государственных судов. Рискнем дать пример: в РФ устоялся подход к неустойке, почти всегда в обязательном порядке снижаемой до уровня умозрительных убытков, особенно если об этом просит ответчик. Арбитраж, на наш взгляд, может игнорировать в конкретном случае снижение, если объем убытков неясен или трудноопределим, это будет лишь означать альтернативный

подход к институту неустойки. В то же время, если исполнение такого решения приведет к банкротству какого-либо градообразующего предприятия и повлечет разрушительные имущественные последствия, то здесь оговорка о публичном порядке вполне допустима.

Также представляется, что автор довольно смело выбрал не столь оптимальную терминологию. Речь идет о таком понятии, как «публичный субъект», и по этому поводу мы имеем пожелание в будущих своих работах такое понятие уточнять, поскольку публичный субъект означает тяготение к прилагательным «общественный», «общественно значимый», связанный с «интересами неопределенного круга лиц», а научная теория противопоставляет определению «публичный» категорию «частный», более того, в законодательство в отраслевые законы уже вошло словосочетание «публичное лицо», подчиняющееся особому режиму ответственности за его коррупционную деятельность. Европейский суд по правам человека в переводах своих актов также использует понятие «публичное лицо», и даже «публичный субъект», означающее индивидуум известный обществу в силу своей актерской профессии или по иным основаниям. Таким образом, термин «публичный субъект» не столь адекватен, над его уточнением следует подумать. На ум приходят такие эквиваленты, как «государственная организация», «государственно частное юридическое лицо», «компания с государственным участием», кроме того «лицо» или «субъект» как человек по смыслу так же понимаем при чтении текста диссертации, однако диссертант здесь имеет в виду только юридические лица, в дефиниции «публичный» не артикулируется такая характеристика как «властный», примером будет «публичное акционерное общество» (ст. 67 ГК РФ).

Суммированные нами замечания к работе носят рекомендательный характер, имеют цель посоветовать улучшить как фундамент дальнейших исследований понятийный аппарат, а так же создать привязку своих доводов к выбранной нормативной основе.

Работа написана доходчивым, понятным языком в лучших традициях СПбГУ, и что немаловажно, представляет собой хороший материал для плодотворной дискуссии с представителями судебного корпуса в РФ. Соискатель занимает конструктивную позицию и не использует в полной мере европейскую проарбитражную аргументацию как альтернативу сложившейся у нас судебной практике более строгого контроля над третейскими судами, а переходит на поле оппонентов и разбирает сложившуюся судебную трактовку публичных интересов, «накоплении публичных элементов» и т.п., действуя трезво и исходя из сложившихся правовых реалий, что является методологически верным и достойным, как нам кажется, одобрения. Похвальная миссия автора заключается в том, что он, используя правовую логику убеждения, способствует установлению канонической альтернативной разрешенной споров в нашей стране, одинаково понимаемых и судами, и арбитражным сообществом, а мы знаем из недавнего опыта, что это вполне достижимая задача.

Заметной и достойной заслугой автора выступает его вклад в укрепление и развитие такой подотрасли правоведения как арбитраж, неуклонно становящийся самостоятельной научной дисциплиной, черпающей смысл равным образом и в цивилистике, и в широком смысле в гражданском процессе. Показателем этого выступает пока не завершившееся

формирование фундаментальных правовых понятий, их соотношения между собой, в частности, публичного порядка, арбитрабельности.

Исходя из изложенного полагаем, что труд диссертанта оставляет благоприятное впечатление и имеет конкретные научные результаты.

Диссертация Еремина Виктора Валерьевича на тему: «Арбитрабельность споров с участием публичных субъектов» соответствует основным требованиям, установленным Приказом от 19.11.2021 № 11181/1 «О порядке присуждения ученых степеней в Санкт-Петербургском государственном университете», соискатель Еремин Виктор Валерьевич заслуживает присуждения ученой степени кандидата юридических наук по специальности 5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки. Пункты 9 и 11 указанного Порядка диссертантом не нарушены.